

Изменения в обществе
и классический университет:
история и современность

Ответственные редакторы –
д-р психол. наук О.М. Краснорядцева,
д-р ист. наук С.Ф. Фоминых

Издательство
Томского
университета
2005

Глава I

Организация учебного процесса в классическом университете: история и современность

1. Организация учебного процесса в дореволюционном университете: на примере Императорского Томского университета*

22 июля (3 августа по новому стилю) 1888 г. в Томске произошло событие, которое оказало огромное влияние на всю последующую историю этого старинного сибирского города. В этот день открылось первое за Уралом высшее учебное заведение – Императорский Томский университет. Открытие в Томске университета не только кардинальным образом изменило лицо города, но и предопределило его будущее как Сибирских Афин. Основанный еще в 1878 г. как Императорский Сибирский университет, он являлся центром образования, науки и культуры в обширном регионе соприкосновения культур Европы и Азии. Постигая мир через научные исследования, университет стремился не только к осмыслению, накоплению, сохранению и приумножению фундаментальных знаний, но и распространению их в обществе. В связи с этим большое значение приобретает вопрос о системе организации образовательного процесса и подготовке кадров.

Общеуниверситетский устав 1884 г. давал четкое определение основной цели университета: «...университеты имеют целью содействовать развитию наук и сообщать лицам высшее научное образование»¹.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03–03–00585 а/Т.

¹ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 2.

Такое назначение университета было выработано всей длительной историей университетов Западной Европы и России. Университет, таким образом, включает в себя два основных элемента: научный и учебный. Таким образом, функции университета никогда не ограничивались исключительно целями преподавания. Но несомненно и то, что научная деятельность профессоров напрямую была связана с преподавательской. Прав был выдающийся русский хирург, общественный деятель и педагог Н.И. Пирогов, когда говорил, что «ни один университет... еще не отвергал жизненной необходимости соединения двух элементов – научного и образовательного – в одно целое. И в самом деле, где положить границу тому и другому? Кто истинно двигает науку, тот по врожденной человеку склонности желает и других сделать участниками этого движения. Кто излагает науку, тому естественно и желание быть ее двигателем». «Отделить научное от учебного в университете нельзя», – подчеркивал он. Но научное и без учебного все-таки греет и светит. А учебное, без научного, только блещет»¹. Таким образом, занятия преподавателей наукой являлись и являются важнейшим элементом деятельности университетов.

При этом необходимо отметить, что классический университет, как учебное заведение, был, несомненно, институтом обобщения и трансляции фундаментальных научных знаний. Таким образом, в центре деятельности профессоров и преподавателей находился учебный процесс. За время пребывания в университете студенты должны были приобрести необходимые профессиональные навыки, познакомиться с современным состоянием науки и овладеть методами научного исследования. К решению этой задачи вели два пути: профессорские лекции и самостоятельная работа студентов.

Главная цель лекций состояла в том, чтобы дать студентам системное представление о современном состоянии данной науки и показать те пути, которыми шла человеческая мысль к открытию научных истин, т.е. ознакомить своих слушателей с методами научного исследования. «Слушание (истинно научной лекции), – подчеркивал известный русский юрист и психолог Л.И. Петражицкий, – не только приводит нас... в более близкое соприкосно-

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 38 об.

вание с подлинным механизмом и процессом научного мышления, нежели чтение печатного сообщения результатов таких же процессов, но и дает более активное, более живое и интенсивное упражнение и в тех приемах и оборотах научного мышления, которые могли бы быть проделаны по книге, путем чтения»¹.

Этой цели служили и специальные курсы, посвященные подробному изложению лишь отдельных актуальных вопросов науки. В ходе их чтения профессор имел возможность изложить и подвергнуть всесторонней критике различные мнения по избранной проблеме, высказывавшиеся в научной литературе, и аргументировать свои взгляды.

Лекционная система преподавания нередко подвергалась и критике. Особенно заметно это было на рубеже веков, когда была задумана очередная реформа высшего образования. Так, профессор юридического факультета Новороссийского университета П. Казанский в брошюре, изданной в 1901 г., говоря о постановке преподавания на юридических факультетах, высказал мнение, что «чтение лекций, не давая знания, не дает и того воспитания учащегося в области его особой деятельности, которого мы вправе ожидать от университета». «Более того, – подчеркивал он, – влияние господствующего приема преподавания на учащихся надо считать прямо вредным. Развивая стремление к красноречию, он должен насаждать в них любовь к громкому слову, к красивой фразе, к поверхностному отношению к вопросам серьезным и трудным; он должен убивать в них способность к упорному самостоятельному труду и мышлению... Надо ли говорить о том, что отношение самих учащихся к чтению лекций есть суровый приговор над этим приемом преподавания? Вместо того, чтобы видеть в нем облегчение для себя, они считают его чуть ли не за тяжелую повинность»². Профессор Варшавского университета Г.Ф. Симоненко предлагал дополнить существовавшую лекционную систему лекциями-беседами, в ходе которых студенты могли бы пре-

¹ *Петражицкий Л.И.* Университет и наука: Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. Т. 1. Теоретические основы. СПб., 1907. С. 246.

² *Казанский П.* К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. Новороссийск, 1901. С. 20.

рвать лектора, «спросить у преподавателя не слышанное, требовать разъяснения недостаточно понятого, возразить на кажущееся неверным»¹.

Самостоятельная работа студентов преследовала цель усвоения научных методов. Это достигалось чтением научной литературы, занятиями в клиниках и лабораториях на медицинском факультете или работой с источниками по истории права, законодательным и статистическим материалом на юридическом факультете. Читая научную литературу, студент не только приобретал знания, но и попутно знакомился с теми методами, которыми пользовался тот или иной исследователь. Студенты также имели возможность заниматься в учебно-вспомогательных подразделениях университета (кабинетах, лабораториях, музеях, библиотеке и т.д.), пользоваться руководством и консультациями профессоров и их помощников.

Основная учебная деятельность профессоров в дореволюционном университете заключалась в чтении лекций. Устав 1835 г. требовал от них «преподавать предмет свой не менее 8 часов в неделю»². Причем этим уставом предусматривалась ответственность профессоров за пропущенные лекции. Так, за лекции, на которые профессор или адъюнкт не являлся «без представления начальству законных причин отсутствия», удерживалась полагающаяся ему по расчету часть жалованья³. Комиссия, образованная в начале 1860-х гг. для составления нового университетского устава, осудила эту принудительную систему. В уставе 1863 г. было записано: «Штатные преподаватели должны употреблять на изложение своего предмета столько часов в неделю, сколько на основании представленных им соображений и по рассмотрении всех обстоятельств назначит им факультет с утверждения Совета».

Комиссия по пересмотру университетского устава, созданная в 1875 г., имела в своем составе горячих защитников старой лекционной системы, попытавшихся отстаивать необходимость определения в уставе минимального количества недельных часов для

¹ *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. Варшава, 1901. С. 33.

² Устав Императорских российских университетов 1835 г. Ст. 86.

³ Там же. Ст. 88.

каждого профессора. Однако они встретили отпор со стороны большинства профессоров. В университетском уставе 1884 г. нашел отражение достигнутый компромисс между свободой, вызываемой особенностями университетского преподавания, и своеобразным принуждением. Статья 67 гласила: «Профессор обязан посвящать преподаванию по занимаемой им кафедре достаточное число часов в неделю, применительно к шестичасовой норме»¹. Таким образом, эта статья содержала в себе некоторое принуждение, устанавливая хотя бы приблизительно минимум числа лекций.

При обсуждении вопроса о реформе высших учебных заведений в 1901 г. специально созданная советом Томского университета комиссия предложила отменить эту статью. «Число лекций, необходимое для изложения данного курса в надлежащей полноте, зависит от многих условий: и от состояния науки, и от относительного значения ее в программе факультетского преподавания, и от научной и педагогической подготовки преподавателя, и от числа преподавателей и т.д.», – говорилось в подготовленной комиссией «Записке о состоянии русских университетов». На этом основании высказывалось предложение не определять в будущем уставе обязательное число лекций для всех профессоров. Вместо статьи 67 действовавшего устава 1863 г. предлагалось восстановить статью 83 устава 1863 г., которая устанавливала, что «факультет в целом своем составе и в лице отдельных своих преподавателей, под ближайшим руководством декана, печется о полноте, последовательности и правильности преподавания факультетских предметов»². «Выраженный в этой статье руководящий принцип, – подчеркивалось в «Записке», – следует сохранить в полной силе и развить в подробностях. Заботы о полноте, последовательности и правильности преподавания должны быть предоставлены отдельным преподавателям и целому факультету, как собранию ученых специалистов в данной отрасли науки. Отсюда следует, что факультетам принадлежит право составлять учебные планы и обозрение преподавания, распределять испытания, заботиться о временном замещении вакантных кафедр; обмен мнениями по поводу

¹ Свод законов Российской империи (СЗРИ). 1913. Кн. 3. Т. 10–13. Ст. 893.

² ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 45.

читаемых в факультете отчетов может содействовать лучшей постановке учебного дела; не довольствуясь слушанием отчета, отдельные члены факультета могут присутствовать на лекциях и практических занятиях своих товарищей; это присутствие на лекциях и возможный по этому поводу обмен мнениями тоже могут способствовать выработке лучших способов преподавания, и вообще лучшей постановке факультетского преподавания»¹. Не принудительные меры, а свобода преподавания, считали профессора Томского университета, могут способствовать успеху учебной деятельности университета. В университетском образовании, подчеркивали они, «совершенно не уместны ни наперед составленные официальные программы, ни одобренные начальством учебники; профессор не должен поддежать ответственности за высказываемые им научные мнения»².

Посещение занятий студентами в дореволюционном университете контролировалось университетской администрацией. По уставу 1884 г., «за исправным посещением студентами имеет наблюдение инспекция». В университете это требование успешно выполнялось чинами инспекции: инспекторами студентов и их помощниками. В большинстве случаев инспекторами студентов назначались бывшие директора гимназий, а их помощниками – бывшие преподаватели гимназий.

Как правило, они переходили на эту должность в основном из-за материальных выгод и довольно высокой пенсии. Так, в первый год работы Томского университета инспектором студентов был назначен действительный статский советник А.С. Еленев, кандидат естественных наук С.-Петербургского университета, работавший до своего назначения директором Красноярской гимназии и училищ Енисейской губернии³. Он оставался в этой должности до июня 1893 г., когда вышел в отставку⁴. В последующие годы инспекторами назначались действительные статские советники А.П. Пят-

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 45.

² Там же. Л. 45 об.

³ *Сведения о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования* // Известия Императорского Томского университета (ИТУ). 1889. Кн. 1. С. 4.

⁴ *Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1893 год*. Томск, 1894. С. 6.

ницкий (1893–1897), В.П. Григоровский (1898–1903), В.П. Щепотев (1903–1906)¹. Кроме инспектора, в штате университета до 1909 г. имелись помощники инспектора студентов. Их число, достигавшее в первые годы работы университета 1–2, возросло в 1901 г. до 5. В 1906 г. должность помощника инспектора была выведена за штат, а на следующий год вместо инспектора была введена должность помощника проректора. С 1911 г. их штат был увеличен до двух. Помощниками проректора по студенческим делам в разные годы были И.Я. Каминский (1906–1910), И.Л. Ярошевский и П.В. Леонов (1911–1916)².

Инспектор студентов и его помощники осуществляли надзор за поведением студентов, проживавших как в университетском общежитии, так и на частных квартирах. Один из помощников инспектора имел жилье непосредственно в самом общежитии, отвечая одновременно за его хозяйство. Впоследствии эту функцию стал выполнять один из помощников проректора. К составу инспекции относились низшие служители, так называемые «педеля», набиравшиеся, как правило, из отставных унтер-офицеров. По ст. 50 Устава 1884 г. они использовались «для надзора за порядком в зданиях университета и для исполнения поручений инспектора и его помощников по наблюдению за поведением студентов вне означенных зданий». Нередко это были полуграмотные и продажные люди, что раздражало студентов и оскорбляло их самолюбие. В конце каждого полугодия на основании «ревизии» фуражек в университетском гардеробе и других сведений составлялись подробные ведомости о числе пропущенных каждым студентом лекций³. Одновременно подавались сведения о поведении студентов, их политической благонадежности. Хотя они не отличались достоверностью, но тем не менее учитывались при назначении нуждающихся студентов на стипендии или при решении вопроса, кого из оканчивающих университет оставить в качестве профессорского стипендиата.

¹ *Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913)*. Томск, 1917. (КИОТУ). С. 53.

² Там же. С. 54–55.

³ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 46.

В «Сведениях о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования» есть следующая запись: «Поведение студентов в течение истекшего полугодия было весьма удовлетворительно. Дисциплинарных поступков ни разу не было замечено, а потому и взысканиям в истекшем полугодии не было места. Господствующее настроение студентов вполне благонадежно и не внушает сомнений. Уместно не умолчать здесь и о том сочувствии, с каким студенты Томского университета отнеслись к предложению об устройстве хора студентов при университетской церкви: это предложение осуществилось уже с первых недель при открытии Томского университета»¹. Эта благостная картина резко изменилась к концу XIX в. В конце февраля 1899 г. в Томском университете прошла забастовка студентов в связи с событиями в С.-Петербургском университете, когда студенты столичного университета выступили за восстановление автономии высшей школы, а вызванная администрацией университета полиция и жандармерия учинили избиение студентов. В знак протеста сходка студентов сибирского университета, состоявшаяся 23 февраля, постановила присоединиться к забастовке столичных студентов и приняла резолюцию, осуждавшую действия властей. В ней, в частности, говорилось: «...до тех пор, пока законные требования наших товарищей-универсантов не будут удовлетворены, мы отказываемся от посещения лекций, клиник, практических занятий, репетиций и держания экзаменов, т.е. мы решили всеми мерами добиться официального закрытия университета»². В резолюции содержался также призыв принять «систему обструкции против тех профессоров, которые будут продолжать занятия»³. По настоянию попечителя Западно-Сибирского учебного округа приказом ректора 45 студентов были исключены из университета, 18 человек получили выговор, 11 студентов были посажены в карцер на 5 суток. 36 активно участвовавших в «беспорядках» студентов были высланы из города. 7 марта университет был закрыт на неопределенное

¹ *Сведения о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие его существования* // ИТУ. 1889. Кн. 1. С. 16.

² *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 69.

³ Там же.

время. Занятия в неполном объеме возобновились лишь с 13 апреля. Большая часть исключенных студентов осенью того же года были восстановлены в университете и смогли продолжить учебу. Среди них были и будущие профессора... Известно, что после студенческих волнений 1899 г. профессорам университета царь объявил выговор «за неоказание надлежащего влияния на студенчество», а тогдашний министр просвещения Н.П. Боголепов специальным циркуляром указал на желательность и необходимость общения между профессорами и студентами¹. Однако студенческие волнения, лихорадившие учебный процесс в университете, имели место и в 1901, 1903–1906 гг.² С началом первой русской революции университет практически не работал. В «Отчете о состоянии Императорского Томского университета за 1905 год» отмечалось: «Учебная деятельность университета по причинам, лежавшим вне сферы академической жизни и университетского строя, к глубокому прискорбию всего преподавательского персонала, была приостановлена на весь весенний семестр, а затем не могла возобновиться и в течение осеннего семестра... В течение академического года могло состояться лишь несколько лекций в весеннем семестре, но и то при крайне ограниченном числе слушателей»³. Учебный процесс возобновился лишь в сентябре 1906 г.⁴

Основную функцию в организации преподавания осуществляли кафедры. Как правило, в штате кафедры состоял один профессор (исключением были некоторые кафедры юридического факультета), который составлял учебные программы, читал лекционные курсы, а нередко и руководил практическими занятиями. Ему в преподавании помогали лаборанты, ассистенты, прозекторы, помощники прозектора и т.д.

Главная обязанность профессора как представителя кафедры заключалась в чтении общего курса. Его изложение требовало, чтобы лектор был хорошо знаком с данной наукой во всем ее объеме, следил за ее развитием. Не ограничиваясь чтением лекций,

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 86 об.

² Подробнее об этом см.: *Зайченко П.А.* Указ. соч. С. 75–84; Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 35–38; *Матвеев М.* Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 42.

³ *Отчет о состоянии...* за 1905 год. Томск, 1907. С. 46.

⁴ *Отчет о состоянии...* за 1906 год. Томск, 1907. С. 144.

профессор должен был вести и практические занятия, насколько позволяло ему время. Например, в 1894 г. профессора посвящали делу преподавания до 10–15, а многие более 20 часов в неделю¹.

В силу занятости чтением общих лекционных курсов, предусмотренных учебным планом, у профессора Томского университета обычно не оставалось времени на чтение специальных курсов. Этим в университетах Европейской России занимались доценты.

При обсуждении проекта университетского устава в 1901 г. по настоянию профессоров была внесена следующая рекомендация: «В составе преподавательского персонала необходимы приват-доценты. Число их не может быть ограничено какой-нибудь наперед определенной цифрой. Чем больше читается специальных курсов и чем они разнообразнее, тем на большую высоту можно поставить университетское преподавание»². Для преподавания иностранных языков полагались лекторы. В университетах, имевших в своем составе историко-филологический факультет, они причислялись к последнему. В силу того, что в Томском университете такой факультет появился лишь в 1917 г., преподаватели иностранных языков были отнесены к юридическому факультету, на котором они и вели преподавание.

Согласно уставу один и тот же профессор не мог одновременно заведовать двумя кафедрами. В случае необходимости временное исполнение педагогических обязанностей по кафедре, ставшей по ряду причин вакантной, с разрешения министра народного просвещения, при наличии просьбы попечителя учебного округа или по собственному усмотрению министра поручалось, согласно ст. 464, «сведущим по этой кафедре лицам из наличных профессоров, приват-доцентов и вообще имеющих ученые степени с назначением им вознаграждения, не превышающего оклада жалованья, присвоенного ординарному профессору». Такое временное замещение вакантной должности не должно было продолжаться более одного года³.

¹ *Отчет о состоянии...* за 1894 год. Томск, 1895. С. 82.

² ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 53 об.

³ *СЗРИ*. Т. 11, ч. 1. Ст. 892–893.

Немаловажную роль в процессе преподавания в университете играли и учебно-вспомогательные учреждения (кабинеты, лаборатории, музеи и т.д.). Уже к открытию Томского университета была создана основательная по тем временам учебно-научная база. Имелись анатомический институт, физический, гистологический, минералогический кабинеты, лаборатория и кабинет по общей, аналитической и медицинской химии, фармацевтический кабинет и лаборатория, зоологический и археологический музеи, библиотека и др. В создании и развитии этих учреждений профессора играли самую непосредственную роль.

Насколько велика она была, можно судить, например, по кабинету и музею нормальной анатомии. Устройство этого музея – дело рук профессора анатомии Н.М. Малиева и его помощника прозектора С.М. Чугунова. Ко времени отъезда Малиева из Томска (1896 г.) в музее насчитывалось 597 различных анатомических препаратов, изготовленных им и С.М. Чугуновым. К 1898 г. общая стоимость оборудования и приборов, имевшихся в 25 кабинетах и музеях университета, оценивалась в 215 917 руб. Для сравнения: общая стоимость имущества кабинетов медицинских кафедр и соответственных естественно-исторических в Казанском университете оценивалась в то время в 317 452 руб., т.е. на 101 534 руб. 98 коп. больше, чем в Томском университете. Эта разница главным образом зависела от большей ценности имущества естественно-исторических кафедр, принадлежавших в Казанском университете физико-математическому факультету, а не медицинскому, как это имело место в Томском университете. Однако если сравнивать соответствующие кафедры медицинского факультета, то эта разница не была столь существенной. Так, 11 кафедр теоретической медицины Казанского университета располагали оборудованием на сумму 95 533 руб. 23 коп., а столько же кафедр Томского университета – на 85 959 руб. 55 коп.; 11 кафедр клинической медицины Казанского университета – на 67 116 руб., в то время как 9 кафедр такого же профиля Томского университета – на 53 339 руб. 42 коп.¹

¹ *Годичный акт в Императорском Томском университете 22-го октября 1898 года. Томск, 1899. С. 19.*

Таким образом, учебно-вспомогательные учреждения Томского университета, в особенности кабинеты медицинских кафедр, были в значительной степени оснащены оборудованием, аппаратурой и приборами, которые использовались не только в учебном процессе, но и для научных исследований¹. К концу XIX в. Томский университет мог уже конкурировать с другими, более старыми провинциальными университетами России, например Казанским, который открылся намного раньше Томского университета. С постройкой же госпитальных клиник, вторых в России, и новоанатомического института, бактериологического института им. Ивана и Зинаиды Чуриных, оснащенных современным оборудованием, эти возможности заметно расширились.

Источником финансирования закупок для кабинетов, лабораторий и музеев университета служили поступления из государственного бюджета, специальные средства университета (различного рода сборы со студентов за лекции в пользу университета и профессоров, с платных больных в клиниках) и, наконец, крупное частное пожертвование почетного иркутского гражданина Александра Михайловича Сибирякова. Капитал в сумме 100 000 руб. был пожертвован им в 1876 г. «на устройство и содержание учебно-вспомогательных учреждений Сибирского университета», до 1889 г. хранился на депозите Министерства народного просвещения, а затем вместе с набравшими к тому времени процентами в сумме 176 356 руб. был передан в распоряжение правления Томского университета. На заседании совета Томского университета 27 февраля 1889 г. этот капитал был поделен на две части: 60 000 руб. с процентами на них было решено оставить в пользу еще не открытых факультетов (юридического, историко-филологического и физико-математического), а остальные деньги (116 300 руб.) израсходовать на оснащение кабинетов медицинского факультета. К 1898 г. на эти цели было израсходовано 141 219 руб. 59 коп., на библиотеку 12 281 руб. 80 коп. и ботанический сад 257 руб.

¹ Однако это вовсе не означало, что профессора того времени были удовлетворены состоянием материальной базы для учебного процесса и занятий наукой в Томском университете. В «Записке», составленной в 1901 г., они подчеркивали на этот счет: «...многие учебно-вспомогательные учреждения Томского университета не соответствуют достоинству и самым насущным потребностям науки. По бедности этих учреждений Томский университет занимает первое место в ряду других русских университетов» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 96).

58 коп. Всего 153 758 руб. 97 коп. На 1 января 1898 г. часть сибиряковского капитала, оставленная на неоткрытые факультеты, составляла 77 708 руб. 54 коп. и на кабинеты медицинского факультета 12 738 руб. 49 коп., а всего 90 447 руб. 03 коп.¹

Таким образом, за первый период своего существования Томский университет расширил сеть учебно-вспомогательных учреждений. Кабинеты и кафедры обзавелись учебными пособиями и приборами, необходимыми для преподавания и научных занятий. Но все это было лишь инструментом в руках преподавателей и исследователей.

В первые годы существования Томского университета (вплоть до конца 1890-х гг.) возникла традиция, когда на публичных, а затем и вступительных лекциях, впервые читаемых профессорами, а они проходили в торжественной обстановке, присутствовали ректор, декан, профессора, члены правления (совета) университета. На эти лекции нередко приходили студенты Томского технологического института, другие лица, в основном представители местной интеллигенции. Эта традиция особенно укрепилась тогда, когда в составе Томского университета открылся юридический факультет. Так, например, на лекцию профессора юридического факультета М.А. Рейснера по государственному праву 7 октября 1902 г., объявление о которой в местных газетах неоднократно появлялось в течение недели, кроме студентов университета, пришли 22 студента технологического института (лекции большинства профессоров университета и технологического института в этот день были сорваны). На лекции присутствовали также председатель окружного суда Витте, член суда Безсонов, помощник присяжного поверенного Вейсман и еще несколько человек.

Вступительные лекции издавались отдельными брошюрами, некоторые из них затем включались в «Известия Императорского Томского университета»². Развернутая информация о предстоя-

¹ Годичный акт в Императорском Томском университете 22-го октября 1898 года. Томск, 1899. С. 19.

² См., например: *Попов М.Ф.* Вступительная лекция в курс судебной медицины, читанная 31 августа 1891 г. // ИТУ. Кн. 4; *Репрев А.В.* Вступительная лекция из общей патологии // Там же; *Юшкевич В.А.* Торговое право: Вступительная лекция, читанная 16 октября 1901–1902 уч. г. // ИТУ. 1902. Кн. 22.

шей или уже прочитанной тем или иным профессором лекции давалась на страницах томских газет («Сибирская жизнь», «Сибирский вестник» и др.). Так, газета «Сибирский вестник» в разделе «Местная хроника» сообщила о первой лекции по энциклопедии права, прочитанной профессором Живаго 30 октября 1898 г., следующее: «Лекцию слушал декан юридического факультета проф. Табашников. Начало лекции посвящено определению понятия о науке – энциклопедии права... Наш молодой профессор, признавая самостоятельность своей науки, заявил себя сторонником догматического направления, но, не вдаваясь в крайности, сам держится золотой середины. Своим изложением науки, пользуясь лучшими приемами обеих направлений, профессор обещал представить, если можно так выразиться, третье – догматико-философское направление. В заключение профессор сказал студентам-юристам несколько теплых слов о роли их, как пионеров-провозвестников начал правды и справедливости в нашей дикой и суровой окраине. Лекция покрыта была громом долго не смолкавших аплодисментов»¹.

Следует заметить, что при исполнении служебных обязанностей университетские профессора должны были быть одеты в форму. Она была двух родов: старая, традиционная – вицмундир и новая, заведенная министром юстиции Муравьевым для членов судебного ведомства, а потом и другими ведомствами – сюртук с погонами на плечах.

В рассматриваемый период среди профессоров Томского университета было немало великолепных лекторов, применявших в процессе преподавания новаторские методы и пользовавшихся большой популярностью и авторитетом у студентов. Так, один из первых профессоров С.И. Коржинский на протяжении нескольких лет читал курс ботаники студентам медицинского факультета и, по отзывам современников, был талантливым лектором, обладавшим способностью прививать студентам интерес к своему предмету. «Даже такая сухая часть ботаники, как систематика растений, в изложении Сергея Ивановича, – писал один из них, – слушалась с неослабным интересом». Лекции по химии, которые читал профес-

¹ *Сибирский вестник*. 1898. 1 нояб.

сор Е.В. Вернер для студентов медицинского факультета, были блестящими по форме и оригинальными по содержанию. Обычно они сопровождались демонстрациями и опытами. Во время работы в Томском университете Е.В. Вернер был седым как лунь и внешним видом напоминал средневекового алхимика. «Глубина и кристальная ясность мысли, высокий полет фантазии, живой образный язык профессора, – по словам студентов, слушавших его, – захватывали всех как одного и уносили в неведомую еще беспредельную область научной мысли¹». Профессор В.В. Сапожников читал курс ботаники. Свободно ориентируясь в новейших достижениях науки ботаники, он строил свои лекции как увлекательный рассказ о жизни растительного мира. Он обладал сильным и приятным голосом (баритоном), природным даром красноречия, способностью коротко и выразительно излагать любую сложную мысль. За высокое педагогическое мастерство и увлеченность в ходе чтения лекций его называли «сибирским соловьем» и «златоустом». Во время лекций В.В. Сапожников демонстрировал живые растения, которые даже в трескучие сибирские морозы на специально оборудованных санях доставляли из ботанического сада в главный корпус университета. Одним из первых в России В.В. Сапожников показывал на лекциях им самим изготовленные диапозитивы, часть из которых была раскрашена².

Весьма разнообразной была методика чтения лекций и ведения практических занятий на медицинских кафедрах.

Так, профессор по кафедре нормальной анатомии И.С. Поповский зарекомендовал себя хорошим лектором, уделяя, как и его предшественник, профессор Н.М. Малиев, много внимания самостоятельным занятиям студентов с анатомическими препаратами. В практических занятиях он видел «возможность ознакомиться не только с познаниями и развитием, но даже с характером и научным направлением ума каждого студента». Для контроля за усвоением

¹ *Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. С. 65.*

² *Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н. Выдающийся сибирский ученый и путешественник В.В. Сапожников. С. 19; Профессора Томского университета. Вып. 1. С. 228; Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. С. 62.*

студентами лекционного материала он практиковал коллоквиумы, число которых доходило до восьми¹.

Ординарный профессор по кафедре теоретической хирургии В.М. Мыш читал курсы: систематический курс хирургической патологии и терапии с десмургией; систематическое учение о вывихах и переломах; курс нормальной анатомии и др. Как лектор он пользовался успехом у студентов. Предметом его клинических лекций были подробные и систематические разборы больных. По окончании лекции студенты переходили в операционный зал, где присутствовали при проведении назначенной на этот день операции. По мнению профессора, «принципом деятельности хирургической факультетской клиники, как школы практической медицины, являлось «сделать студентов» действительными участниками жизни клиники, а не только поверхностными наблюдателями... от которых скрываются неизбежные шероховатости и даже неудачи»².

Зав. кафедрой акушерства и гинекологии ординарный профессор И.Н. Грамматикати читал студентам-медикам курсы: систематическое изложение акушерства с включением патологии беременности и послеродового периода; очерк основ оперативного акушерства; систематическое изложение учения о женских болезнях. Кроме того, он вел акушерско-гинекологическую клинику. И.Н. Грамматикати был прекрасным лектором. Строгий и требовательный к себе, много сил и времени отдававший работе в клинике, он с такими же мерками подходил к студентам и врачам, работавшим с ним. При кафедре имелись клиника и основанный им богатый акушерско-гинекологический музей, экспонаты которого использовались в преподавании. Профессор, помимо чтения теоретических и клинических лекций студентам 4 и 5-го курсов (6 часов в неделю), производил операции в присутствии студентов (2 раза в неделю осуществлялись обычно большие операции – чревосечения), в вечерние часы (2 раза в неделю) вместе со студентами делал обход больных, находящихся в клинике. Наряду с этим он руководил практическими занятиями по оперативному акушерству (5-й курс), занятиями

¹ *Систематический* каталог препаратов музея нормальной анатомии в Императорском Томском университете / Под ред. проф. И.С. Поповского // ИТУ. 1904. Кн. 24; *Профессора* Томского университета. Вып. 1. С. 196–197.

² *Мыш В.М.* Мой путь врача-специалиста. Новосибирск, 1945. С. 90–94.

на амбулаторных больных (4 и 5-й курсы) и, наконец, осуществлял руководство студентами 5-го курса при ведении родов и курировании гинекологических больных.

Особенность преподавания курса акушерства и гинекологии в Томском университете при И.Н. Грамматикати заключалась в том, что студенты 5-го курса принимали непосредственное участие при родах, не только наблюдая их, но и принимая младенца, допускались под наблюдением профессора к выполнению небольших гинекологических операций и, ассистируя профессору, участвовали в производстве больших гинекологических операций¹.

Огромной популярностью среди студентов пользовался профессор-терапевт М.Г. Курлов. Аудитории на его лекциях всегда были наполнены слушателями, а практические занятия, руководимые им, посещались с неослабным интересом. Его ученик проф. С.М. Тимашев так характеризовал М.Г. Курлова как педагога: «Редко кто так умело, интересно и вообще поучительно обставляет лекции и все практические занятия, как Михаил Георгиевич. Он является блестящим лектором и самым идеальным преподавателем. Это преподаватель с обширными литературными сведениями, с критическим умом, тонкой способностью разбираться в сложных запутанных случаях заболеваний, отличающийся способностью делать свои лекции из обильного литературного материала и своего обширного опыта и наблюдения всегда весьма содержательными. Каждая его лекция в своем роде оригинальна, самостоятельна, всегда интересна и литературно содержательна». С 1907 г. во время лекций происходил клинический разбор историй больных в аудитории, а по окончании осуществлялся обход больных по палатам. М.Г. Курлов старался привлекать студентов к экспериментальным работам и развивал у них интерес к исследованиям². Как преподаватель госпитальной хирургии ординарный профессор П.И. Тихов

¹ *КИОТУ. С. 467; Горизонтов Н.И.* Профессор Иван Николаевич Грамматикати: К 10-летию со дня смерти // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. 1927. Т. 2, вып. 8–10. С. IX–XII; *Родионченко А.А., Коломиец Л.А., Юдинских С.В.* Кафедра акушерства и гинекологии // Материалы по истории кафедр лечебного факультета. 1888–1898 гг. Томск, 1988. С. 129–130, 132.

² *Тимашев С.М.* Биографический очерк профессора Томского университета М.Г. Курлова // ИТУ. 1921. Т. 71. С. 1–12; Профессора Томского университета. Вып. 1. С. 138–139.

не имел себе равного по краткости и образности изложения картин заболеваний, сообщавшихся им на лекциях¹.

Блестящими лекторами зарекомендовали себя профессора медицинского факультета А.А. Кулябко, Н.И. Березнеговский и др. Преподавание на медицинском факультете обеспечивало высокий уровень подготовки специалистов-медиков. С 1893 г., когда состоялся первый выпуск, по 1916 г. включительно звания лекаря были удостоены 1389 чел., из них 568 выпускников получили диплом с отличием².

Подготовка юристов в дореволюционных российских университетах вызвала большие нарекания со стороны общества. В начале XX в. Министерством юстиции путем широкого опроса были собраны и проанализированы сведения о работе выпускников юридических факультетов на различных должностях в системе судебных и государственных органов Российской империи. Вывод был неутешительный: общая и специальная подготовка молодых юристов, приступавших к общественно-служебной деятельности, была совершенно неудовлетворительной³.

«Русское общество, – подчеркивал в 1902 г. профессор Томского университета С.И. Живаго, – не может оставаться равнодушным, если лицами компетентными и, безусловно, к тому призванными, устанавливается общий факт, что кончающие курс юридических факультетов в большинстве случаев не обладают ни основательной теоретической подготовкой, ни сколько-нибудь достаточными сведениями в области права, не говоря уже о полной непривычке к юридическому мышлению, о неумении разобратся в несложных явлениях и отношениях юридической жизни»⁴. Он провел два года в Германии, где ознакомился с подготовкой юристов. Основываясь на увиденном, С.И. Живаго предлагал отказаться от переходных и выпускных экзаменов и по примеру немецких университетов по окончании курса обучения сохранить их лишь для тех студентов, которые намеревались получить

¹ Профессора Томского университета. Вып. 1. С. 257.

² Отчет о состоянии... за 1916 год. Томск, б.г. С. 33.

³ Дерюжинский В.Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов // ЖМЮ. 1902 г. № 7 (сентябрь). С. 219–236.

⁴ Живаго С. Что недостает в университете нашим будущим юристам. М., 1902. С. 6.

степень «доктора права». Те же, кто по окончании университета претендовал на занятие какой-либо должности в органах прокуратуры, суда или госаппарата или намеревался посвятить себя адвокатской практике, могли бы, по его мнению, сдавать соответствующий государственный экзамен на занятие должности непосредственно в том учреждении, куда они намеревались поступить на службу (например, при суде).

В качестве одной из мер, направленных на улучшение подготовки юристов, профессор С.И. Живаго предлагал отказаться от существовавшей системы проведения практических занятий, когда они проходили в форме «игры в судоговорение». Аудитории юридических факультетов, по его словам, были вовсе не предназначены для наставлений студентов-юристов в тонкостях процессуальных форм, введения их в область канцелярских обычаев или чиновничьей рутин, упражнений в прокурорском и адвокатском красноречии. Чтобы приобрести необходимые навыки, утверждал С.И. Живаго, появится достаточно времени и по окончании университетского курса, когда выпускник поступит кандидатом на ту или иную должность¹.

Не отрицая необходимости практических занятий вообще, С.И. Живаго считал недопустимой какую-либо однообразную регламентацию самих методов и приемов ведения подобных занятий. В выборе тематики занятий он отдавал предпочтение упражнениям по действующему гражданскому и уголовному праву, вызывавшим повышенный интерес студентов. На занятиях, в ходе которых разбирались и решались «казусы», т.е. примеры из жизни и судебной практики, студенты приобщались к самостоятельному юридическому мышлению и к применению своих теоретических знаний.

Ознакомление с учебными планами и программами, обзорами преподавания правовых дисциплин, отчетами председателей испытательных комиссий за дореволюционный период работы юридического факультета Томского университета позволяет сделать вывод о наличии недостатков, которые были присущи подготовке юристов в российских университетах в целом.

¹ Живаго С. Что недостает в университете нашим будущим юристам. С. 27.

В «Записке о состоянии русских университетов», подготовленной в 1901 г. комиссией во главе с профессором Н.Н. Розиным, отмечался недостаточный уровень знаний выпускников классических гимназий, поступающих в университет. «Эти молодые люди, – отмечали авторы «Записки», – не способны к слушанию лекций, не способны к самостоятельным занятиям; у них нет интереса к научным знаниям». Университетские профессора настаивали на необходимости проведения серьезной реформы общеобразовательной школы¹. Высказывались нарекания и в отношении существовавшей системы жесткой регламентации учебных планов, требовавших, по уставу 1884 г., утверждения со стороны Министерства народного просвещения. «Свобода науки, – подчеркивалось в этом документе, – требует предоставления в этих случаях самостоятельности ученой коллегии...»².

В «Записке» предлагалось изменить систему экзаменов, установленную Уставом 1884 г., когда допускался разрыв во времени между преподаванием курса и экзаменом, и перейти к системе курсовых экзаменов, которые принимал бы преподаватель с участием декана факультета и ассистента из преподавателей родственной науки³.

За дореволюционный период существования юридического факультета, а всего за это время (1898–1916) было сделано 14 выпусков, дипломов было удостоено 748 человек, 122 из них получили дипломы I степени (с отличием)⁴.

Таким образом, Томский университет в конце XIX – начале XX в. стал центром подготовки образованных людей, которые формировали интеллектуальный потенциал региона. Только в дореволюционный период университет подготовил свыше 1500 врачей и около 1000 юристов и экономистов.

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 256. Л. 117.

² Там же. Л. 102.

³ Там же. Л. 103 об., 104.

⁴ Отчет о состоянии... за 1915 год. Томск, б. г. С. 34.